

**«ПЕРЕПИШИТЕ ЗАНОВО»:
К ТИПОЛОГИИ
ДВОЙНЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ***

© 2016 г. Наталья Марковна Стойнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация;
stoynova@yandex.ru

В работе обсуждается ситуация, когда при одной глагольной лексеме употребляется более одного показателя рефактива ('сделать еще раз'). Интерпретация такого двойного рефактива может быть при этом избыточной (то же значение 'сделать еще раз') или рекурсивной ('повторно [сделать еще раз]'). Сам двойной показатель может состоять из двух морфологических деривационных показателей — одинаковых или разных — или из аффикса (типа англ. *re-*) и лексемы (типа англ. *again*). Все подобные случаи рассматриваются на типологическом материале, отдельные сюжеты — более детально на материале русского языка. Данные по показателям рефактива позволяют сделать некоторые выводы о двойных деривационных показателях в целом, в том числе охарактеризовать их специфику по сравнению с двойными словоизменительными показателями, предсказать, каково будет результирующее значение двойного показателя при неполном семантическом совпадении исходных одиночных и как это соотносится с морфологическим статусом исходных показателей.

Ключевые слова: глагол, двойные показатели, рефактив, словообразование, типология

**“REWRITE IT AGAIN”:
TOWARDS THE TYPOLOGY
OF DOUBLE DERIVATIONAL MARKERS**

Natal'ya M. Stoynova

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019,
Russian Federation
stoynova@yandex.ru

The paper deals with the double use of 'again'-markers. The meaning of repetition can be marked twice for one predicate either by two derivational affixes or by an affix (*re-*) and a lexeme (e.g. *again*). The resulting interpretation can be redundant (with the same meaning of 'do again') or recursive ('again [to do again]'). All these cases are discussed with recourse to crosslinguistic data, with special attention focused on some particular cases in Russian. The picture presented leads us to more general observations on the nature of double derivational markers, such as the features of double derivational markers in comparison to inflectional ones; the predictions about the interpretation of a double marker, when the meanings of its components are not fully identical and the connection between the semantics of double markers and their morphological status.

Keywords: 'again'-markers, double markers, multiple exponence, typology, verb, word-formation

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 140400264(а) «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики».

1. Введение

Известны случаи, когда при одной и той же лексеме используется сразу два (или даже более) показателя с одним и тем же или похожим словоизменительным или деривационным значением. Результирующее значение может в этом случае совпадать или примерно совпадать со значением одиночного показателя (как, например, в разговорном русском *более лучшие* [Рахилина 2014], или как *маленький чемодан-чик* [Русакова 2013]). Возможен и случай, когда соответствующее значение действительно применяется к лексеме дважды (как, например, в русском *начал за-сыпать* [Недялков 1987]).

Ниже такого рода явления рассматриваются на примере одного из значений продуктивной глагольной деривации — **рефактивного** ('сделать повторно'). Достаточно распространенной оказывается ситуация, когда при одном предикате употребляется сразу два показателя рефактива: часто (хотя и совсем необязательно) один из них морфологический, а другой лексический (ср. русск. *пере-писал заново*). Более характерен, как кажется, первый случай — с однократным применением семантического оператора повторности, но и второй ('повторно повторить действие') также возможен.

1.1. Предварительные замечания: интерпретация двойного показателя

Прежде чем обратиться собственно к материалу «двойных» показателей рефактива, необходимо сказать несколько общих слов об упомянутых выше возможных значениях сочетания показателей с идентичной семантикой: «избыточном», «рекурсивном» значениях, а также о значении с семантическим сдвигом.

1) Избыточная интерпретация. Двойной показатель может, во-первых, давать значение, тождественное значению одиночного показателя (каждого из одиночных показателей, если они разные). Такую интерпретацию двойного показателя ниже будем называть «**избыточной**». Избыточное выражение единого значения многократно обсуждалось в морфологии с разных теоретических позиций в терминах **multiple exponence** (или *extended exponence*), ср. [Xu, Aronoff 2011; Caballero, Harris 2012] и мн. др. Основным объектом дискуссии были случаи типа немецкого (1); пример по мотивам [Matthews 1974]:

(1) *Bild* — *Bild-er* (мн. ч. выражено суффиксом);

Vater — *Väter* (мн. ч. выражено чередованием в основе);

Wurm — *Würm-er* (multiple exponence: мн. ч. выражено дважды — суффиксом и чередованием в основе).

Основным предметом интереса являлся тот факт, что подобные случаи, как кажется, противоречат общему **принципу экономии**, в целом обычно до той или иной степени соблюдаемому в языке.

В фокусе внимания оказывались преимущественно или исключительно двойные словоизменительные показатели. В статье по типологии *multiple exponence* [Caballero, Harris 2012] напрямую говорится, что аналогичное явление для деривационных показателей возможно, но оказывается значительно более редким. Это, видимо, так, если подходить к *multiple exponence* как к чисто морфологическому явлению, как это обычно и делается. Если же принимать во внимание и все комбинации деривационных показателей с синонимичными им лексическими (типа *маленький чемодан-чик*), то ситуация окажется прямо противоположной. Такие случаи, наоборот, крайне типичны, хотя и (или вследствие чего) привлекают значительно меньшее внимание лингвистов.

Даже если оставаться в рамках морфологии, примеры избыточного выражения деривационных значений не очень схожи с классическими примерами *multiple exponence* в словоизменении типа (1). Значения, обслуживаемые словообразованием, как правило, более

конкретны и семантически сложны, чем грамматические значения, выражаемые словоизменением; словообразовательные показатели имеют более ограниченную сочетаемость и менее предсказуемым образом взаимодействуют с исходной основой. Поэтому такие показатели бывают синонимичны, но, в отличие от словоизменительных, по-видимому, редко оказываются полными синонимами. Если в случае (1) мы уверены, что чередование и суффикс выражают ровно одно и то же значение множественного числа и что выбор того или иного средства выражения никак не обусловлен семантически, то в случае, например, деривационных показателей *-в-* в *листа* и *-j-* в *тряпье* мы можем говорить об общем для них значении 'совокупности', но вряд ли о полной синонимии. Поэтому, имея дело с двойным показателем, представляющим собой комбинацию двух деривационных, мы можем ожидать, что и он будет синонимичен каждому из исходных, но семантически не эквивалентен ни одному из них или эквивалентен только одному, но не второму. То же верно и в случае комбинации деривационного показателя с лексическим.

(2) СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ: показатель 1 'значение А' + показатель 2 'значение А' = 'значение А'

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: показатель 1 'значение А1' + показатель 2 'значение А2' = 'значение А1' / 'значение А2' / 'значение А1/2' / 'значение А3'

Ср., например, проблему, обсуждаемую в [Летучий 2009]: в русском языке значение реципрока выражается деривационным постфиксом *-ся* (*целоваться*) и сочетанием *друг друга* в соответствующем падеже (*целовать друг друга*), которые имеют близкий, но не тождественный круг употреблений; при этом также встречающаяся комбинация *-ся + друг друга* (*целоваться друг с другом*), как показывают корпусные данные, дает совсем отдельный класс реципрокальных употреблений.

Таким образом, в случае деривационных показателей к теоретической проблеме нарушения принципа экономии (которая, соответственно, применительно к таким примерам стоит менее остро, хотя и не полностью снимается) добавляется проблема семантической «подстройки» исходных значений в составе двойного показателя: как именно она происходит; какой из исходных показателей «побеждает» (если побеждает) в этом взаимодействии и зависит ли это от его морфологического статуса или от каких-либо еще факторов?

2) Рекурсивная интерпретация. Идентичные или синонимичные деривационные показатели, употребляясь совместно, могут также давать интерпретацию, ниже называемую «рекурсивной», при которой соответствующее значение действительно последовательно применяется к исходной лексеме дважды (или более).

Здесь следует заметить, что далеко не все значения чисто логически могут иметь рекурсивную интерпретацию. Она вполне естественна, например, для каузативного значения 'заставить кого-то [заставить кого-то сделать что-то]' (и действительно часто наблюдается, см. об этом [Kulikov 1993]). А для значения вроде рефлексивного сложно себе представить результирующее значение подобного рода.

3) Интерпретация с семантическим сдвигом. Третий вариант интерпретации двойного показателя — это интерпретация с семантическим сдвигом, когда двойной показатель получает дополнительное приращение значения, не выводимое из исходного (исходных). Обычно это приращение значения, **иконично** связанное с повтором показателя (тот же иконизм наблюдается в самых разных типах редупликации, см., например, [Рожанский 2011; Stolz et al. 2011]): итеративное, дистрибутивное, интенсифицирующее, эмфатическое. Ср. пример на двойной пассив с итеративным значением из балкарского языка (Кабардино-Балкария, тюркские), приводимый в [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006]:

(3) *Gitara ojna-l-in-ŋan-di*
guitar.NOM play-PASS-PASS-PF-3
'На гитаре играли многократно'.

Возможны и менее предсказуемые семантические сдвиги. Так, в той же работе обсуждается разница в возможности чисто пассивной vs. декаузативной интерпретации для

одионого и двойного балкарского пассива¹. Подробнее о разных интерпретациях каузативов с семантическим сдвигом в тюркских языках см. в [Kulikov 1999].

1.2. Рефактивы в контексте дублирования деривационных показателей

Рефактивами, как было сказано выше, в работе называются глагольные показатели со значением однократного повторения описываемой ситуации ('опять, еще раз'), в литературе используются также термины реитератив, итератив, репетитив, *again-expression*. Подробнее о рефактивах в языках мира см. [Wälchli 2006; Стойнова 2013]. В семантической литературе рефактивы (наряду с такими выражениями, как 'тоже', 'все еще' и т. п.) относят к так называемым «**триггерам пресуппозиции**» (см., например, [Tovena, Donazzan 2008]). Принято говорить, что они добавляют к содержащейся в пропозиции **ассерции** о некоторой ситуации **пресуппозицию** о том, что аналогичная ситуация уже совершалась ранее. Полезным кажется также введенное в [Wälchli 2006] (по аналогии с известной классификацией рефлексивов С. Кеммер [Kemmer 1993]) противопоставление «**тяжелых**» (*heavy*) vs. «**легких**» (*light*) рефактивов (к нему мы будем обращаться ниже в разделе 2). Тяжелые рефактивы используются в тексте реже, чем легкие, тяготеют к более эмфатическим контекстам и не подвержены идиоматизации, легкие — более частотны, предполагают более широкий круг «нейтральных» контекстов и часто сильно идиоматизированы. При этом тяжелые рефактивы оказываются обычно формально более сложными (свободные лексемы или аналитические конструкции), а легкие — более простыми (аффиксы), однако эта тенденция, как показано в работе, не является универсальной. Тяжелые рефактивы есть во всех языках (или, по крайней мере, в подавляющем большинстве), легкие же не очень широко распространены.

Рефактивы кажутся на редкость подходящим материалом для исследования дублирования деривационных показателей. Во-первых, значение однократного повторения принадлежит к числу тех пограничных значений, которые склонны выражаться как самостоятельными лексемами (и такие лексические показатели есть, пожалуй, практически в любом языке), так и деривационными аффиксами, часто очень или даже неограниченно продуктивными (и это тоже достаточно распространенное в языках мира явление, см. [Стойнова 2013: 8—9]); как правило, в языке имеется более одного показателя рефактива, в том числе иногда с разным морфологическим статусом. Таким образом, случаи, когда при одном предикате оказывается более одного показателя рефактива — оба морфологические/лексические или морфологический и лексический — достаточно многочисленны. Здесь возникают вопросы о типологической распространенности таких комбинаций: с дублированием одного и того же показателя, с использованием двух разных показателей одинакового морфологического статуса и с использованием двух показателей с разным морфологическим статусом. А priori первая стратегия кажется наименее востребованной, а вторая — чуть ли не повсеместной, однако это нуждается в эмпирической проверке.

Во-вторых, рефактивное значение при дублировании показателей теоретически способно допускать (и действительно допускает) все три перечисленных выше типа результирующей интерпретации, в том числе рекурсивную. Таким образом, на данном материале удобно рассматривать вопросы о выборе и конкуренции интерпретаций и об их корреляции с морфологическим статусом показателей (см. выше).

В-третьих, однократное повторение, о котором шла речь выше, — центральное, но не единственное значение более широкой семантической зоны рефактива. Морфологические показатели рефактива наряду с ним часто обслуживают также, например, значения, связанные с возвращением в исходную точку в пространстве (редитив) или в исходное состояние (реститутив). Лексические показатели рефактива, наоборот, часто склонны к очень

¹ В этом случае, впрочем, не всегда понятно, стоит ли говорить об интерпретации с семантическим сдвигом или об избыточной интерпретации, как она трактуется выше.

узкой специализации (ср. русское *заново*). Это дает возможность наблюдать круг самых разнообразных случаев: когда совместно употребляются два показателя с узким, но не вполне совпадающим значением, когда многозначный показатель сопровождается более узким, когда совместно употребляются показатели, выражающие два разных значения рефактивной зоны, и т. д.

Наконец, стоит отметить самое, видимо, интересное свойство рефактивного значения, выделяющее его из других деривационных значений, когда речь идет о проблематике дублирования. В обычном случае три перечисленные интерпретации комбинации показателей — рекурсивная, избыточная и интерпретация с семантическим сдвигом — достаточно отчетливо противопоставлены друг другу и в каждом конкретном случае можно с уверенностью сказать, с какой именно из них мы имеем дело. В ситуации с рефактивом это не совсем так. Ниже рассматриваются случаи, для которых граница между рекурсивной и избыточной интерпретацией или рекурсивной и интерпретацией с семантическим сдвигом кажется очень зыбкой.

1.3. Эмпирические данные

В работе использована информация из базы данных по показателям рефактива в языках мира. База была составлена нами для более общего типологического исследования рефактивов, в фокусе которого находились преимущественно морфологические рефактивы. Они составляют значительно более представительную выборку, хотя численно и не превосходят лексические показатели: всего 473 показателя, из них 216 аффиксы. Информация по морфологическим показателям также в среднем более подробная, чем по лексическим. Большинство данных взято из грамматических описаний (а потому не претендует на полноту), по отдельным языкам проводилось дополнительное исследование на основе доступных текстов.

2. Избыточное употребление рефактивов

Ниже рассматривается избыточное употребление рефактивных показателей. Отдельно обсуждаются комбинации разного типа: морфологические/лексические показатели, комбинация морфологического показателя с лексическим; одинаковые/разные показатели. Обсуждается также проблема интерпретации двойного показателя в случае, если исходные показатели имеют существенные различия в значении.

2.1. Комбинация морфологических показателей

2.1.1. Повторяющийся рефактивный аффикс

Случай, когда редуцированный показатель употребляется в том же значении, что и исходный одиночный, оказывается наиболее проблемным с теоретической точки зрения, поскольку прямо противоречит самым общим языковым принципам — принципу экономии и принципу иконичности (в соответствии с которым формальная сложность должна отражать семантическую). Предполагается, что таких случаев не должно быть вовсе или что они должны быть крайне редки; ср. наблюдение в [Caballero, Harris 2012] — преимущественно на материале словоизменения — о том, что такая ситуация если и встречается в языках мира, то непосредственное совпадение языкового материала, как правило, так или иначе избегается — например, используются разные алломорфы одного аффикса.

Данные рефактивных показателей, по крайней мере отчасти, подтверждают эту тенденцию. Случаи избыточного употребления одного и того же морфологического показателя единичны. Самый бесспорный пример такого рода представлен в языке янеша (аравакские, Перу), [Duff-Tripp 1997: 87—88]. В нем рефактивное значение может быть выражено как

единичным показателем *-err-*, так и редуцированным *-err-...-err-*. При этом (и здесь можно усматривать то же стремление избежать прямого копирования материала) в редуцированном варианте одна часть аффикса отделяется от другой показателями лица. Следует также отметить, что редуцированный показатель склонен употребляться в «более эмфатических» (прагматически выделенных) контекстах, чем единичный [Wälchli 2006], — таким образом, возможно, этот случай следует трактовать как промежуточный между избыточной интерпретацией и интерпретацией с семантическим сдвигом (см. раздел 5).

Иногда на синхронном уровне можно говорить лишь о рудиментах подобной ситуации. Например, в языках банту есть пара деривационных суффиксов: *-uC* и его редуцированный вариант *-uCuC* (см. [Dammann 1959; Schadeberg 1982]). Они, как правило, полисемичны, и набор значений, а также степень идиоматизации простого и редуцированного вариантов варьирует от языка к языку. Чаще всего это значения интенсификации и/или мультипликатива, реверсива ('ситуация, обратная исходной') и рефактивное значение. В некоторых языках этот набор так или иначе распределен между редуцированным и простым вариантами суффикса. Так, в кихолу [Daeleman 2003: 34] и чилуба [Kabuta 1998: 130] рефактивное значение выражается только редуцированным вариантом *-ulul*, но не простым показателем *-ul*. А иногда одно и то же значение — в том числе и рефактивное — может выражаться как простым вариантом аффикса, так и редуцированным, ср. пример из квангали, демонстрирующий рефактивное употребление обоих вариантов (*-ur* и *-urur*), в том числе при одном и том же глаголе:

- (4) *vara* 'родиться' — *var-ur-a* / *var-urur-a* 'родиться заново, воскреснуть' [Dammann 1957: 74—75].

В навахо (атабаские, США) редупликацию рефактивного показателя, причем с чередованием, а не с полным копированием материала, также можно постулировать, скорее, для диахронического, нежели для синхронного уровня. В навахо есть пара префиксов, выражающих два не вполне идентичных значения рефактивной зоны: *ná-* 'обратно' и *náá-* / *nááná-* 'опять'. Для второго из них в [Young 2000: 42—43] выдвигается гипотеза о развитии из редуцированного варианта первого: *ná-* + *ná-* → *náá-*.

Следует упомянуть и случай, когда один и тот же рефактивный показатель в некотором языке может иметь как аффиксальный, так и более автономный статус (например, суффикс *-pa* и наречие *pa* в языке куланго (гур, Кот-д'Ивуар), [Elders 2008], суффикс *-b'ay* и клитика *=b'ay* в хуп (изолят, Бразилия), [Epps 2008]). Иногда два идентичных показателя с разным морфологическим статусом могут выступать и при одном и том же предикате. В [Guillaume 2008: 684—685] такая способность отмечается, например, у частицы *=nuka* и суффикса *-nuka* в языке кавиненья (таканские, Боливия). Подробнее о комбинациях морфологического рефактива и лексического см. ниже раздел 2.2.

2.1.2. Комбинации разных рефактивных аффиксов

Ситуация, когда в языке имеется более одного морфологического показателя рефактива, в принципе не является типологически частотной. Так, в нашей выборке из 219 морфологических показателей рефактива два и (в единичных случаях) более таких показателей встретилось лишь в 25 языках. В трех из них такие показатели могут употребляться совместно, давая избыточную рефактивную интерпретацию.

В языке тепева-веветла (тотонакские, Мексика) [Kung 2007: 294—298] это суффиксы *-choqo* 'обратно, опять' и *-pala* 'еще раз':

- (5) *ʔentons maa pastak-choko-pala-kan-li*
 then RPT think-REF₁-REF₂-INS-PFV
 'Тогда они обдумали это снова'.

В жарвара (араванские, Бразилия) [Dixon, Vogel 2004: 180] совместно употребляются показатели *-ma* 'обратно, в исходное состояние' и *-tasa* 'опять, еще раз':

- (6) *otaa kibe-ma-tasa otaa-ke kanawaa jaa*
 1EXCL.S get.in-REP₁-REP₂.F 1EXCL-DEC.F canoe PERI
 ‘Мы снова сели (обратно) в каное’.

В языке спокан (салишские, США) есть два рефактивных аффикса: префикс *ʔel-* ‘обратно’ и составной префикс *ʔel-ul-* ‘опять’. Второй его компонент, показатель *ul-*, описывается в грамматике [Carlson 1972] как отдельный префикс, но вне сочетания с *ʔel-*, видимо, не употребляется:

- (7) *ʔel-xwíy* ‘Он ушел обратно’ — *ʔelul-əʔilən* ‘Он опять поел’.

Стоит обратить внимание на то, что во всех перечисленных случаях мы имеем дело с комбинацией рефактивных показателей, неидентичных по значению. О результирующем значении подобной комбинации см. ниже в разделе 2.3.

2.2. Морфологический рефактив в сопровождении лексического

В отличие от рассмотренных выше, ситуация, когда результирующее рефактивное значение производит комбинация из рефактивного аффикса и рефактивной лексемы (наречия, частицы), кажется чуть ли не повсеместной, ср. пример на подобное употребление наречия *ka* и суффикса *-tu* в мапуче (арауканские, Чили) [Smeets 2008]:

- (8) *mūchay pun ka nūtram-ka-tu-a-fi-n*
 soon night again conversation-really-REP-NPST-OBJ-IND.1SG
 ‘Вечером я опять с ним поговорю’.

Ниже приводятся две достаточно грубые оценки, позволяющие, тем не менее, в первом приближении представить себе степень распространенности указанной стратегии: межъязыковой, с одной стороны, и внутриязыковой — с другой.

1) Насколько возможность избыточного употребления рефактивного аффикса в сопровождении рефактивной лексемы распространена в языках мира?

Чтобы дать первый приблизительный ответ на этот вопрос, мы просмотрели грамматики 32 языков с морфологическим рефактивом. Выбирались по возможности такие описания, которые содержали значительное количество естественных иллюстративных примеров, в среднем от трех до десяти примеров на употребление рефактивного аффикса².

В 12 из языков выборки (38 %) среди этих примеров встретились такие, в которых морфологический рефактив выступал в сопровождении лексического. Ниже их список:

- (9) кавиненья, колумбийский венатчи, инесеньо, кашинава, кважа, олпотек, тепева-веветла, мосетен, удэгейский, ючи, какинте, яндруванда.

В 20 языках (62 %) таких примеров не встретилось:

- (10) банждаланг, боле, чокто, дуунгидьяву, хди, хидатса, язык хантер-ривер, джалонке, матис, май-али, моно, ндут, не-персе, нутка, пираха, танакросс, валапай, вайана, яланга, варекена.

При такой оценке доля языков, где комбинация морфологического и лексического рефактивов встречается, оказывается заведомо значительно меньше реальной. Однако она достаточно велика для того, чтобы подтвердить интуицию о широком распространении обсуждаемой стратегии.

2) Насколько часто избыточное употребление рефактивного аффикса в сопровождении рефактивной лексемы встречается в отдельно взятом языке, для которого такая стратегия в принципе возможна?

² Ссылки на соответствующие грамматики, краткую информацию о каждом языке и показателе см. в Приложении 1 в монографии [Стойнова 2013].

По этому параметру языки, как кажется, достаточно сильно разнятся. В качестве иллюстрации приведем, тем не менее, данные по одному языку — агульскому (лезгинские, Дагестан), которые представляются показательными с этой точки зрения. В агульском есть очень продуктивный рефактивный префикс *q-* ‘опять, обратно’ (см. о нем подробнее [Maisak, Merdanova 2011]) и рефактивное наречие *ħab* со сходной семантикой. Они могут употребляться, в том числе, и при одном предикате, причем как в контексте однократного повторения (11), так и в контексте возвращения (12):

- (11) *ħab q-ag.a-j-e mi-s ʔemk'*
 опять REP-видеть.IPF-CONV-COP DEM-DAT CON
 ‘Опять видит она сон’;
- (12) *xibuq:a-n=na ic'u-d... gal.u-as qaj.i-na-l-as ħab...*
 60-A=И десять-A кутан-(IN)ELAT REP.приходить.PF-CONV-SUPER-ELAT назад
 ‘Семьдесят... с тех пор, как я вернулся с кутана [пастушья стоянка на зимнем пастбище. — Н. С.]...’.

Из таблицы 1 видно, что процент избыточного маркирования (30 примеров) от всех случаев маркирования рефактивного значения в агульском языке невелик; незначительна и доля употреблений двойного рефактива от общего числа употреблений морфологического показателя; при этом среди употреблений рефактивного наречия употребления, сопровождающие морфологический маркер, составляют существенно больший процент.

Таблица 1

Агульский язык: комбинация морфологического и лексического рефактивов *q-* и *ħab*³

	От употреблений <i>q-</i>	От употреблений <i>ħab</i>	От всех употреблений
Доля комбинации <i>q-</i> и <i>ħab</i>	3,53 % (30 из 849)	28,3 % (30 из 106)	3,14 % (30 из 955)

Итак, стратегия двойного маркирования рефактива сразу и лексическими, и морфологическими средствами не только интуитивно представляется, но и действительно оказывается достаточно распространенной. С одной стороны, в этом можно видеть более общую тенденцию и говорить, что рефактив тем самым обнаруживает поведение, характерное в целом для значительной части деривационных значений. Здесь же приведем объяснение более частного, в тех терминах, которые уже были использованы ранее при исследовании рефактивных показателей. Как было сказано выше в разделе 1.2, в статье [Wälchli 2006] было предложено деление рефактивных показателей на «тяжелые», к которым относится большая часть лексических показателей, и «легкие», к которым относится большая часть морфологических. «Тяжелые» рефактивы склонны употребляться в более эмфатических, прагматически выделенных контекстах (т. е. там, где повторение специально подчеркивается говорящим). «Легкие» тяготеют к контекстам неэмфатическим, т. е. таким, где повторение тривиально имеет место: например, они могут регулярно сопровождать предикаты типа *закрывать* <дверь> — поскольку дверь не впервые оказывается в закрытом положении — или *наступать* (о сезоне) — поскольку он наступает с известной периодичностью. Если представить себе правила употребления тяжелых vs. легких рефактивов в виде инструкции говорящему, то в случае тяжелого, лексического рефактива это будет инструкция вроде: «Используй этот показатель, когда хочешь сообщить о повторении». В случае же легкого, морфологического рефактива имеет место инструкция типа: «Используй этот показатель, когда повторение имеет место». Как можно видеть, одна инструкция логически нисколько не противоречит другой. Более того, если бы они обе применялись строго в такой форме, то «идеальный» тяжелый рефактив всегда бы требовал при себе и «идеального» легкого.

³ Поиск в текстовой коллекции, собранной Д. С. Ганенковым, Т. А. Майсаком и С. Р. Мердановой, оба примера взяты оттуда же.

То есть в эмфатическом контексте всегда употреблялся бы и тяжелый рефактив, поскольку о повторении необходимо сообщить, и легкий — поскольку оно тем самым имеет место. Таким образом, если рассуждать в подобных терминах, то оказывается, что в объяснении нуждается, скорее, не избыточное употребление морфологического и лексического показателей рефактива, а возможность одиночного употребления лексического показателя. Ее же, в свою очередь, можно классическим образом объяснять действием общезыкового принципа экономии формальных средств или подобных более частных принципов.

2.3. Значения исходных показателей рефактива и значения их комбинаций

Как упоминалось выше, значение рефактивного показателя, что в целом характерно для «серой зоны» значений, пограничной между лексикой и грамматикой, редко сводится к простому однократному повторению. Как правило, оно осложняется теми или иными семантическими нюансами, по-разному и не полностью композиционно ведет себя в сочетании со значением исходной основы. Таким образом, говоря, что одно и то же рефактивное значение, которое может выражаться одним из рефактивных показателей, в некоторых случаях выражается их комбинацией, мы — иногда слегка, а иногда очень сильно — огрубляем картину. На самом деле два показателя рефактива выражают два схожих, но разных значения, а их комбинация, соответственно, некое третье значение. Будет ли это значение совпадать с одним из исходных — и если да, то есть ли закономерности в том, с каким именно? Будет ли это значение отличаться от обоих исходных — и если да, то каким образом? Будет ли все это зависеть от морфологического статуса исходных показателей? Ниже рассматривается несколько частных случаев разного рода, позволяющих отчасти ответить на эти вопросы.

2.3.1. Редитив / реститутив ('обратно / в исходное состояние') + репетитив ('еще раз')

Яркий случай комбинации рефактивов с близкой, но неидентичной семантикой представляет собой комбинация показателя со значением возвращения в точку в пространстве (редитив) или в исходное состояние (реститутив) и показателя со значением собственно однократного повторения (репетитив). К этому же классу примыкают случаи, когда один из показателей охватывает оба типа значений, а другой — только одно из них или когда один из показателей реализует значение повторения / возвращения регулярно, а другой — только в специальном контексте и т. п. Рассмотрим отдельно разные типы комбинаций с точки зрения морфологического статуса показателей.

а) Редитивный аффикс + репетитивная лексема. Этот случай можно проиллюстрировать, например, данными удэгейского языка (тунгусо-маньчжурские, Приморский край). В удэгейском есть рефактивный суффикс *-gi*. Он имеет ряд значений, связанных с возвращением: 'вернуться в точку в пространстве', 'вернуться в исходное состояние', 'сделать в ответ'. В грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 317] среди его значений указано и значение однократного повторения. Однако в текстах (сборник устных текстов [Nikolaeva et al. 2003]) обнаруживается всего два употребления, которые можно бесспорно отнести к репетитивным (из 231 употребления), и в обоих суффикс выступает не изолированно, а в сопровождении наречия 'опять', см.:

- (13) *ge* *ña* *bi:-mie* *xai* *ge:nzi* *e:-gi:-li*
INTJ again be-INF again pregnant become-REP-3SG

'Через некоторое время она опять забеременела' [Nikolaeva et al. 2003: text 17].

б) Редитивный аффикс + репетитивный аффикс. Подобную комбинацию в той или иной степени демонстрируют рассмотренные выше (раздел 2.1.2) показатели в языках жаравара, тепева-веветла и спокан. Один из аффиксов имеет (преимущественно или исключительно)

редитивное употребление, другой (преимущественно или исключительно) репетитивное. Комбинация аффиксов дает репетитивную, а не редитивную интерпретацию. При этом редитивный аффикс линейно располагается ближе к исходной основе, чем репетитивный.

Зафиксирована и ситуация, когда комбинация показателей с исходным редитивным значением дает результирующую репетитивную интерпретацию, это также упоминавшиеся выше случаи навахо и янеша. В навахо, как уже было сказано, репетитивный показатель диахронически (предположительно) восходит к комбинации редитивных. В янеша, по свидетельству [Wälchli 2006: 71—72] (анализ употреблений в тексте Библии), одиночный показатель *-err* употребляется преимущественно в редитивных и реститутивных контекстах, двойной *-err-err* — преимущественно в репетитивных.

в) Репетитивная лексема и редитивная лексема. Любопытный случай комбинации лексических рефактивов с репетитивным и редитивным значением демонстрирует океанийский язык наканаи (Папуа Новая Гвинея). В описании [Johnston 1980: 46—47] отмечено, что репетитивное значение может выражаться одиночной частицей *lou* ‘опять’ или же ее комбинацией с редитивной частицей *rivu* ‘обратно’. Это вписывается в намеченную выше тенденцию. Интереснее, что двойной vs. одиночный рефактив распределены в зависимости от контролируемости предиката: двойной — при контролируемом предикате, одиночный — при неконтролируемом.

г) Репетитивный аффикс + редитивная лексема (?). Случая, когда чисто репетитивный аффикс сочетался бы с чисто редитивной лексемой, давая ту или иную «избыточную» интерпретацию, нам не встретилось. Хотя рассмотренные данные достаточно фрагментарны, это, тем не менее, кажется отнюдь не случайным фактом (ср. линейный порядок морфем). Наблюдения а—г суммируются в таблице 2:

Таблица 2

Комбинация показателей репетитива и редитива
с разным морфологическим статусом

Показатель редитива	Показатель репетитива	Порядок показателей	Встречаются ли вместе	Интерпретация комбинации
аффикс	аффикс	REP(RED(V))	да	репетитивная
лексема	лексема			
аффикс	лексема			
лексема	аффикс	RED(REP(V))	?	?

Таким образом, в комбинации из редитивного (редитивного + реститутивного) и репетитивного показателей редитивный показатель оказывается позиционно «внутренним» (ближним к корню из двух морфологических показателей, морфологическим в комбинации морфологического и лексического), а репетитивный — «внешним». Результирующее же значение оказывается репетитивным, а не редитивным.

Можно связать эти эмпирические наблюдения с данными по семантической эволюции рефактивных показателей. Наиболее типичен сценарий, при котором редитивное значение является для такого показателя исходным, а репетитивное развивается на более поздних этапах грамматикализации (см. [Rosemeyer 2014]). Закономерным образом, редитивное значение более конкретно и совместно с меньшим объемом лексики (только с глаголами движения), репетитивное же — более абстрактно и универсально. Более общие соображения см. также ниже в разделе 2.4.

2.3.2. Реститутив + редитив

В фокусе нашего внимания находятся показатели, имеющие значение однократного повторения (репетитивное) в качестве единственного или хотя бы одного из нескольких значений. Тем не менее рассмотрим кратко также комбинации показателей с **редитивным**

(возвращение в точку в пространстве) и **реститутивным** (возвращение в состояние) значением, поскольку они, на первый взгляд, ведут себя не совсем так, как описанные выше комбинации редитива и репетитива.

Очевидный пример такой комбинации (в данном случае лексических) показателей — английское сочетание *back again*. Оно может иметь рекурсивную интерпретацию ('вернуться повторно'), но может — и избыточную, как в примере ниже:

- (14) *Then she changed her desk into a pig and back again.*
'Затем она превратила стол в свинью и обратно' [J. K. Rowling. *Harry Potter and the philosopher's stone*; пер. М. Спивак].

Для наречия *back* допустима единственная редитивная интерпретация ('обратно'), для *again* (как и для русск. *снова*, нем. *wieder*) — две, а именно репетитивная ('еще раз') и при глаголах изменения состояния реститутивная ('в исходное состояние'); см. дискуссию об этой неоднозначности и разные варианты ее анализа в работах [Kamp, Rossdeutscher 1994; von Stechow 1996; Jäger, Blutner 2000; Fabricius-Hansen 2001; Beck 2005] и др. Естественнее всего считать, что в сочетании *back again* наречие *again* выступает в своей реститутивной, а не репетитивной ипостаси. Следуя той же логике, что и для описанных выше комбинаций редитива с репетитивом, от сочетания *back again* мы могли бы ожидать реститутивной интерпретации: реститутив (как и репетитив) — значение более абстрактное, чем редитив, и может развиваться из редитивного, но не наоборот. Однако на самом деле мы обнаруживаем примеры, как можно судить по русским переводам, с обеими интерпретациями — реститутивной (15) и редитивной (16):

- (15) *Ma settled back again and turned her face to Granma, and her face was still set and hard.*
'Снова опустившись на землю, мать посмотрела на бабу, и лицо у нее было напряженное, суровое' [John Steinbeck. *The grapes of wrath*; пер. Н. Волжина].
- (16) *The lieutenant drew out a cigarette-case, hesitated and put it back again.*
'Лейтенант вынул из кармана портсигар, повертел его в руках и сунул обратно' [Graham Greene. *The power and the glory*; пер. Н. Волжина].

Причем интерпретации в первом приближении кажутся примерно равно частотными: в параллельном корпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ] для 50 случайных употреблений *back again* в 21 случае при переводе использованы наречия *обратно*, *назад* или глагол *вернуться*, в 17 — наречия *снова* или *опять* (в 12 — переведено иным способом).

Здесь естественнее всего, наверное, говорить не о том, что побеждает та или иная из интерпретаций, а о том, что обе оказываются востребованы, хотя одна из них, возможно, более акцентирована в зависимости от контекста (на что указывает русский перевод). Так, например, в ситуации *сунуть обратно*, с одной стороны, имеет место возвращение в пространственную точку (= *сунуть в прежнее место*), с другой — в исходное состояние (= *вынуть, а потом снова сунуть*). Тем не менее, это все же не рекурсивная интерпретация, при которой значения применяются последовательно, а, скорее, особый вариант избыточной (см. о нем также ниже, п. 2.3.3).

Обратим при этом внимание на то, что порядок компонентов двойного показателя оказывается, в отличие от интерпретации, фиксированным и ожидаемым (см. раздел 2.3.1): *back again* (редитив — реститутив), а не **again back*.

2.3.3. Комбинации лексических рефактивов в русском языке: нейтральный репетитив + более сложное значение, близкое к репетитивному

Похожая ситуация наблюдается в русском языке для (также лексических) показателей с нейтральным **репетитивным** значением и **более узким** (семантически более сложным) значением на основе репетитива. В русском языке возможна комбинация разных

рефактивных наречий — *снова*, *опять*, *заново*, *сызнова*⁴, а также застывшего сочетания *еще раз* — друг с другом. Подобные сочетания окказиональны (и часто стилистически небрежны), но возможны: в частности, единичные употребления такого рода можно встретить в НКРЯ. В таблице 3 приводятся корпусные данные по совместной встречаемости русских рефактивных наречий.

Таблица 3

**Возможные комбинации рефактивных наречий
(Основной корпус НКРЯ)⁵**

	<i>еще раз</i>	<i>опять</i>	<i>снова</i>	<i>заново</i>	<i>сызнова</i>
<i>еще раз</i>		2	2	1	—
<i>опять</i>	1		13	3	10
<i>снова</i>	—	7		1	—
<i>заново</i>	—	—	—		—
<i>сызнова</i>	—	—	—	—	

Русские рефактивные наречия можно разделить на три типа: 1) одни выражают нейтральное репетитивное значение (*опять*, *еще раз*); 2) другие — некоторое более сложное значение (*заново* ‘по-другому’ (более подробное толкование см. в разделе 2.3.5), *сызнова* ‘еще раз с самого начала’); 3) наконец, наречие *снова* может иметь нейтральную репетитивную интерпретацию и (хотя это употребление кажется устаревшим) более сложную, схожую с интерпретацией наречия *сызнова*.

Проанализированные корпусные примеры немногочисленны, однако же позволяют сделать некоторые основные выводы о возможности совместного употребления наречий.

Пара нейтральных репетитивных наречий дает только избыточную интерпретацию — соответственно, с тем же репетитивным значением. Наречия могут следовать в разном порядке; примеры (17)–(22) из НКРЯ:

- (17) *И даже теперь, идя один в полутьме весеннего вечера, он **опять еще раз** покраснел от стыда за этот прошлый стыд* [А. И. Куприн. Поединок (1905)];
- (18) *Но нам приходилось его читать на уроках истории в школе, на первом курсе в институте, мы можем, если надо, прочитать его **еще раз снова*** [Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)];
- (19) *Там Ёрку ранило от ручной гранаты, **опять** госпиталь и **ещё раз опять** тиф — эта зараза по всем перекидывалась* [А. И. Солженицын. На краях (1994–1995)].

Сочетание нейтрального репетитивного наречия с семантически более сложным теоретически может давать как избыточную, так и рекурсивную интерпретацию, однако де факто в НКРЯ встретились только примеры на избыточную. Результирующее значение оказывается не нейтральным репетитивным:

- (20) *Теперь понимаешь, какая работа **опять сызнова** переключивать весь сруб!* [В. А. Слепцов. Трудное время (1865)] — ‘с самого начала’.

Иногда в том же значении встречается комбинация *опять снова*:

- (21) *И, между прочим, на твоей мамы денежки! **Опять снова*** [= ‘по новой, с самого начала’. — Н. С.] *начинается! Замолчи!* [Л. Петрушевская. Город Света (2003)];

⁴ Здесь не упомянуто наречие *вновь*, поскольку комбинаций с ним в НКРЯ не встретилось.

⁵ Поиск: контактная позиция, без знаков препинания. В таблице: столбцы — первое наречие, строки — второе наречие.

- (22) *Мы говорим об этих вещах для того, чтобы **еще раз заново** осветить все положение, которое существовало раньше и существует теперь в других странах* [М. М. Зошенко. Возвращенная молодость (1933)] — ‘по-другому’.

Иконичным оказывается линейный порядок показателей: ^{ок}репетитив + другое, *другое + репетитив. То есть семантически более сложный показатель оказывается позиционно «внешним»⁶.

Что до семантической интерпретации, то тут, как и в предыдущем случае (раздел 2.3.2), можно говорить, что оба показателя вносят в нее свой семантический вклад: *опять / еще раз* дают значение повторения, а *сызнова / заново* вносят дополнительные нюансы. Собственно значения повторения в данном контексте они, видимо, не реализуют вовсе, хотя в одиночном употреблении вполне могут его иметь⁷.

2.3.4. Репетитив + аддитив (‘еще, другой, также’)

Возможны и другие комбинации показателей с разными значениями рефактивной зоны. Пример (23) из языка кважа (изолят, Бразилия) [van der Voort 2004: 462] иллюстрирует употребление репетитивного суффикса *-je'ʔe* в контексте лексемы *bony-* со значением ‘еще, дополнительно’. То же значение оказывается и результирующим. Без дополнительной лексической поддержки суффикс *-je'ʔe*, как кажется, аддитивного значения иметь не может.

- (23) *bony-* 'hū txu'xūi ja-*je'ʔe*-da-mū
еще-НОМ small eat-РЕП-1s-VOL

‘Я собираюсь съесть еще немного (букв.: Я собираюсь опять поесть еще)’.

Этот случай в целом укладывается в картину, намеченную выше для показателей с реди-тивным / репетитивным значением. Во-первых, здесь результирующее значение, как и выше, совпадает со значением морфосинтаксически «внешнего», а не «внутреннего» показателя (лексемы, а не суффикса). Во-вторых, аддитивное употребление кажется семантически вторичным и с типологической точки зрения может являться диахронически производным от репетитивного, но не наоборот, см. [Стойнова 2013: 69—80]. Также можно интерпретировать двойной рефактив в кважа в терминах «легких» / «тяжелых» показателей. Легкий аффиксальный показатель «автоматически» употребляется в аддитивном контексте не потому, что имеет место факт собственно повторения, о котором говорящему требуется сообщить, а потому, что значение повторения как бы логически встроено в более сложную аддитивную семантику. Тогда этот случай можно расценивать как схожий с описанными в предыдущих двух разделах: двойной рефактивный показатель одновременно реализует оба значения исходных одиночных.

2.3.5. Два рефактивных показателя с узким специфическим значением

Остановимся более подробно на случае, когда оба рефактивных показателя, способных выступать совместно, имеют не одно из четко определенных нейтральных значений рефактивной зоны (которые описывались выше), а более узкие значения — близкие, но не идентичные.

⁶ Диахронически при этом нельзя сказать, что семантически более сложное значение производно от нейтрального репетитивного (типологически или в конкретном случае). Так, для *снова* очевидно как раз обратное движение: ‘сначала’ → ‘повторно’.

⁷ Это напоминает описанную в [Лютикова 2002: 114—116] ситуацию для составных рефлексивов. Сложный показатель рефлексива может состоять из рефлексива и интенсификатора (как русск. *сам себя*) или представлять собой двойной рефлексив. Однако последнее возможно только в случае, если одиночный показатель рефлексива в свою очередь способен выступать как интенсификатор. Поэтому в составе двойного рефлексива один из показателей рефлексива предлагается считать реализующим значение интенсификатора, а не рефлексива.

Можно ожидать, что в этом случае при комбинации показателей будет происходить сложная взаимная семантическая аккомодация, которая отразится либо на результирующей интерпретации комбинации показателей, либо как минимум на ее сочетаемостных свойствах.

Этот случай — требующий более детального анализа материала — проиллюстрируем примером из русского языка. В русском языке семантически достаточно близки оказываются префикс *пере-* и наречие *заново*. Оба могут выражать значение повторения, в обоих случаях (по крайней мере для части употреблений) оно осложнено идеей модификации исходного результата. Оба показателя могут употребляться при одном предикате, никогда не давая при этом (в отличие от сочетаний *опять пере-*, *снова пере-*, о которых см. в разделе 3) рекурсивной интерпретации. Результирующее значение близко к значению обоих одиночных показателей, но как минимум нельзя сказать, что во всех употреблениях комбинация показателей может быть свободно заменена на любой из двух одиночных показателей. Ср. пример из НКРЯ, иллюстрирующий неполную взаимозаменяемость *заново пере-* и одиночного *заново*:

- (24) Установив для себя, что мне надо учиться понимать общественные явления, я тогда еще не знал, что мне предстояло **заново открывать** или по крайней мере **заново переоткрывать** сами методы понимания [А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988—1998)] — здесь, видимо, *заново открывать* ‘открывать, достигая этим какого-то нового результата’ vs. *заново переоткрывать* ‘открывать, полностью повторяя достижения предшественников’.

Для префикса *пере-* в его рефактивной разновидности (см., например, [Flier 1984]) в качестве основного постулируется обычно «реконструктивное» значение — значение однократного повторения, при котором повторная ситуация направлена на то, чтобы изменить и/или исправить, улучшить результат исходной (*перепаковать* ‘упаковать по-другому’, *перемыть* ‘помыть еще раз (плохо вымытое)’). Реже встречаются употребления, для которых компонент изменения результата ослаблен или отсутствует (*перечитать* ‘прочитать еще раз’). Также у *пере-* есть два семантически близких к реконструктивному употреблению: транслокативное (*перевесить с одной стены на другую* → тем самым ‘повесить вторично’) и трансформативное (*перешить шинель в пальто* → тем самым ‘сшить вторично’, см. о связи таких употреблений с рефактивными [Стойнова 2013: 49—62]). При этом оба употребления формально отчетливо противопоставлены реконструктивному, в частности меняют аргументную структуру исходного глагола.

Семантика наречия *заново* несколько более разнообразна. Ниже его употребления перечислены по [Киселева, Пайар 1998] (с сохранением формата толкований, принятого в источнике, но в сильно сокращенном виде): семантически максимально близкие к употреблением *пере-* выделены полужирным; противоречащие семантике, выражаемой *пере-*, подчеркнуты.

- 1.1) ...результатом повторной ситуации является **достижение качественно нового положения вещей** и одновременно **преодоление предыдущего положения вещей как неудовлетворительного**: (*заново осознать себя, заново построить всю жизнь*)
- 1.2) полное повторение:
 - при других обстоятельствах, с другой целью и т. п. (*если бы сейчас пришлось поступать, я бы заново все повторила*)
 - с другим субъектом, который не знает о предшествующей ситуации (*заново избреть велосипед*)
- 1.3) «как будто и не было»:
 - результат устарел (*пришлось заново все документы оформлять*)
 - результат аннулирован вмешательством непредвиденных обстоятельств (*за войну читать разучился, придется заново учиться ≠ переучиваться*)
- 2.1) «чистый лист», отказ от старого положения дел, переход к качественно новому (*заново родиться*)

2.2) «дубль»

- **переделка** (поэму пришлось писать заново)
- **воссоздание**: (сожалел об утрате: сцена, писанная заново... ≠ переписанная)
- **новое вместо старого** (Спартак формировался заново ≠ переформировывался)

Как видно из приведенного списка значений, ключевое различие в семантике *пере-* и *заново* заключается в следующем: для *пере-* важно, что к началу повторной ситуации должен иметь место результат исходной, который и будет подвергаться модификации; для *заново* же возможен — а в некоторых контекстах даже предпочтителен — аннулированный результат.

Таким образом, вполне естественно, что примерно сходное значение *пере-* и *заново* порождают при тех глаголах, которые в силу своей семантики не предполагают отмены прежнего результата для достижения нового (такие как *переписать*, *переосмыслить*). И, как видно из таблицы 4, именно эти глаголы оказываются наиболее частотными в контексте комбинации *заново пере-*. Можно сказать, что в этом случае все три показателя — оба одних и двойной — семантически приблизительно эквивалентны.

Таблица 4

Заново + пере-: лексический состав (Основной корпус НКРЯ)

Глагол	N примеров
переписать <книгу>	14
пересмотреть <взгляды и под.>	10
перечитать (перечесать)	9
переделать <книгу, проект и под.>	6
переосмыслить	5
переучить(ся), перестроить <здание>	3
передумать, перекроить, перераспределить, перестроить <план>	2
перешить, перешлифовать, переварить (электросварка), переварить <суп>, переголозовать, передвинуть, перезнакомиться, переиграть <проект>, перекодировать, перекрасить, переложить <печь>, переложить <покрытие>, переоборудовать, переопределить, переориентироваться, переоткрыть (заново совершить открытие), переоценить, перепечатать, перепроверить, переработать, пересдать, пересказать, переслужать, пересчитать, перетянуть <струны>, переустановить	1

Те же глаголы, при которых для достижения нового результата может быть необходима физическая ликвидация прежнего (в частности, глаголы созидания, такие как *строить*, *шить*, *рисовать*), дают разную интерпретацию в сочетании с *заново* и с *пере-*, а в сочетании с комбинацией *заново пере-* порождают новую интерпретацию, отличную от интерпретации как минимум одного из исходных показателей. В таблице 5 представлены численные данные по случаям (не)взаимозаменимости показателей. Двойной показатель взаимозаменим хотя бы с одним из исходных примерно в половине случаев, большую часть из них составляют случаи, когда он синонимичен *пере-*, но не *заново*. Ниже каждый из случаев рассматривается отдельно.

Таблица 5

Заново пере-: взаимозаменимость с одиночным заново и одиночным пере-⁸

заново пере- взаимозаменим с:	0) ^{ок} пере-, ^{ок} заново	1) ^{ок} пере-, [?] заново	2) [?] пере-, ^{ок} заново	3) [?] пере-, [?] заново	Всего примеров
Примеров в НКРЯ	51,2 % (43)	38,1 % (32)	9,5 % (8)	1,2 % (1)	100 % (84)

⁸ Заключение о (не)взаимозаменимости делались автором работы, опроса носителей не проводилось.

1) *Заново пере-* = *пере-*, ≠ *заново*

Случаи взаимозаменимости двойного показателя с *пере-*, но не *заново* (38 % от всех употреблений в НКРЯ) распадаются на два типа: а) случаи, когда невзаимозаменимость с *заново* обусловлена семантически, б) случаи, когда она возникает по формальным причинам.

а) Класс семантически обусловленных случаев связан с указанной выше семантической разницей между *пере-* и *заново*, касающейся требования отмены результата. В случае, когда семантика основы допускает интерпретацию с отменой и без отмены результата, комбинация *заново пере-* ведет себя как одиночный *пере-*, то есть имеет интерпретацию без отмены результата. В качестве иллюстрации можно привести глагол *перестроить* в двух его значениях. В метафорическом значении (*строить план, ход рассуждений* и т. п.), при котором ситуация не имеет материального результата, отмена которого требуется для повторения, глагол *строить* примерно в одном и том же значении допускает как любой из одиночных показателей, так и их комбинацию (25). В исходном же значении физического действия (предполагающем заметный материальный результат) глагол *строить* дает значение 'строить новое, модифицируя имеющееся старое' с префиксом *пере-* и то же значение для комбинации *заново пере-*, для *заново* же, скорее, актуальна интерпретация 'строить новое на месте разрушенного старого / разрушив старое' (26).

(25) *Мне же стало ясно одно: надо заново перестроить* ^{ок}заново построить, ^{ок}перестроить *весь ход моих исследований и основательно заняться физикой, химией и биологией* [А. Л. Чижевский. Вся жизнь (1959—1961), НКРЯ].

(26) *Заново перестроить* ^ззаново построить, ^{ок}перестроить *и расширить обветшалую больницу в Б. Сундыре* [Н. А. Мельников. 19 лет на земской службе (1898—1916), НКРЯ] — ср. *заново построить снесенную больницу*.

Интересно также, что сочетание *заново пере-* может употребляться в трансформативных контекстах ('изменить X на Y путем ситуации S'), характерных для *пере-*, но отнюдь не для *заново*, и не относящихся даже собственно к рефактивным:

(27) *Так что, воспользовавшись плодами научно-технической революции, можно было заново переориентироваться на наиболее перспективные отрасли...* [В. Овчинников. Ветка сакуры (1971), НКРЯ].

б) Формально обусловленные случаи. Сочетание *заново пере-* может употребляться в контекстах, возможных для одиночного *пере-*, но не *заново*, таких, что *пере-* меняет исходную аргументную структуру глагола (на что одиночное наречие *заново* не способно)⁹.

(28) *Зампред профильного комитета по госстроительству Александр Салий (КПРФ) убедил палату заново переголосовать всех троих* [«Известия» (2003), НКРЯ] — **(про)голосовать всех троих*.

То же самое наблюдается, когда собственно синтаксическая структура исходного глагола и глагола на *пере-* идентична, но лексическое наполнение не совпадает:

(29) *Дмитриев заново перестроил интерьер кабинета Забелина и внес еще некоторые незначительные поправки* [С. Пилявская. Грустная книга (2000), НКРЯ] — **(по)строить интерьер кабинета*.

2) *Заново пере-* ≠ *пере-*, = *заново*

В отличие от предыдущего, этот случай крайне маргинален, и тут не наблюдается абсолютных запретов. В некоторых контекстах, как кажется, двойное маркирование используется для разрешения многозначности — когда у одиночного *пере-* имеется сильно идиоматизированное употребление из рефактивной зоны (30) или очень частотное нерефактивное (31), а говорящему необходимо выразить именно простое реконструктивное значение.

⁹ Таковы и некоторые из упоминавшихся выше трансформативных контекстов.

- (30) *Для того чтобы именоваться в России инженером, имея заграничный диплом о техническом высшем образовании (как, впрочем, и о всяком другом), надо было заново передавать все экзамены при одном из русских вузов [В. М. Глинка. Из неопубликованного (1976—1982), НКРЯ] — одиночное передавать подразумевает передачу с целью улучшить оценку.*
- (31) *Когда все уходили, он заново переваривал (= заново варил) остатки, выжимая для себя какие-то крохи второй свежести: «вторяк» кайфа практически не давал, но ломку снять на время мог [М. Гиголашвили. Чертовое колесо (2007), НКРЯ] — ср. идиом. переваривать пищу*

3) Заново пере- ≠ пере-, ≠ заново (?)

Совсем очевидных контекстов, в которых комбинация *заново пере-* не была хотя бы примерно синонимична с одним из одиночных показателей, нам не встретилось. Ср., тем не менее, пример ниже, в котором *заново пересказали* читается как ‘рассказали по-другому’, тогда как *заново рассказали* — скорее, как ‘повторно рассказали (возможно, забытое)’, а одиночное *пересказали* в нейтральном контексте — как ‘рассказали, изменив какие-то формальные характеристики’ (например, ‘рассказали письменный текст устно’ или ‘рассказали чужой рассказ’).

- (32) *Хотя, если честно, мы просто заново пересказали сюжет знаменитой пьесы, что до нас уже не раз случалось в истории мирового театра [М. Захаров. Суперпрофессия (1988—2000), НКРЯ] — ‘рассказали по-другому’.*

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что наиболее характерно употребление сочетания *заново пере-* для тех контекстов, которые входят в пересечение круга употреблений *пере-* и круга употреблений *заново*. При этом в большей степени сочетание морфологического *пере-* и лексического *заново* все-таки наследует как семантику, так и синтаксис морфологического, а не лексического рефактива, что не вполне тривиально в свете данных, представленных в предыдущих разделах. Случаи, когда одиночное *пере-* менее предпочтительно, чем *заново пере-*, немногочисленны и связаны в основном с «разрешением омонимии». Случаев, когда *заново пере-* приобретало бы семантику, заметно отличную от семантики одиночного *пере-* (и одиночного *заново*), не отмечено.

2.4. Избыточное употребление рефактивов: обобщение и анализ

Данные по избыточному употреблению рефактивов можно обобщить следующим образом. Комбинация морфологических показателей рефактива с избыточной интерпретацией — явление, скорее, редкое, хотя и встречающееся в языках мира. Сочетание двух формально идентичных аффиксов представлено единичными примерами, и это те случаи, в которых речь идет о той или иной степени лексикализации показателя. Употребление морфологического показателя совместно с лексическим, наоборот, очень и очень распространено.

Часто показатели рефактива, выступающие в комбинации, не полностью синонимичны. Каково будет результирующее значение двойного показателя при несовпадении семантики исходных одиночных, показано в сводной таблице 6. Тот показатель, значение которого выбирается в качестве значения двойного показателя, оказывается обычно линейно «внешним».

Таблица 6

Интерпретация комбинации квазисинонимичных рефактивов

Показатель 1	Показатель 2	Двойной показатель
редитив (+реститутив)	репетитив	репетитив
репетитив	аддитив	аддитив
репетитив	более узкий репетитив	более узкий репетитив
реститутив	редитив	реститутив-редитив
узкое значение 1	узкое значение 2	узкое значение 1 ∩ узкое значение 2

Какие более общие тенденции стоят за этими эмпирическими наблюдениями?

- 1) Из двух значений, про которые известно, что одно склонно появляться у рефактивных показателей на более позднем этапе диахронического развития, а другое — на более раннем, в качестве значения двойного показателя выбирается то, которое появляется на более позднем: пары «редитив — репетитив», «репетитив — аддитив».
- 2) Из двух значений, одно из которых семантически проще, а другое семантически сложнее, выбирается семантически более сложное: пара «репетитив — “узкий” репетитив»¹⁰.
- 3) Если показатели с достаточно специализированным значением имеют некоторое количество общих контекстов (но не все), то двойной показатель будет употребляться именно в них, ср. пример русских *пере-* и *заново*.
- 4) Если контекст таков, что предполагает реализацию обоих значений, двойной показатель может реализовывать оба одновременно: пара «редитив — реститутив»; таким же образом можно интерпретировать пары «репетитив — узкий репетитив», «репетитив — аддитив», а также совместное употребление морфологического и лексического показателей, которые различаются не столько значением, сколько степенью эмфазы, прагматической значимости.

Тенденции 1—4 складываются в более интересную картину, если попробовать посмотреть на двойные показатели рефактива с диахронической точки зрения¹¹. Один из механизмов возникновения плеоназма в разных фрагментах морфосинтаксической системы часто объясняет в терминах «усиления» (*reinforcement*) более старого показателя — который обычно движется в сторону лексикализации и утраты морфологической автономности — новым. В дальнейшем возможно полное вытеснение старого показателя новым или полное его сращение с основой, в зависимости от исходного морфологического статуса; ср. [Anderson 2005; Harris 2015] об этом и альтернативных путях возникновения *multiple exponence* в морфологии. В статье [Kulikov 2009: 451—452] этот механизм описывается для падежной системы. Другой случай, пожалуй, самый известный и многократно обсуждавшийся, — плеонастические показатели отрицания (как франц. *ne... pas*), так называемый цикл Есперсена (см. [Jespersen 1917; van der Auwera 2009; Larrivé, Ingham 2011] и др.). В области глагольной деривации похожая ситуация описывается в [Kulikov 1999] для морфологических каузативов в тюркских языках. Когда в языке есть несколько каузативов, один более старый и более лексикализованный, уже подвергшийся семантической эрозии, а другой — более новый и продуктивный, к глаголу со «старым» каузативом может добавляться новый, не давая при этом никаких семантических приращений, а служа лишь «морфологической поддержкой» первому каузативу. Такие комбинации называются в [Kulikov 1999] сескви-каузативами (т. е. «полуторными») каузативами, в противопоставление «двойным»). Мы не располагаем бесспорными аналогичными примерами для морфологических рефактивов, однако можно предположить, что некоторые из комбинаций рефактивных аффиксов возникают как такие же «сескви-рефактивы».

В той же работе описываются случаи, когда двойной и одиночный каузативные аффиксы описывают разные типы каузативного значения (ср. наши примеры на рефактив). Например, одиночный каузатив выражает контактную каузацию (*покормить* {с ложки}),

¹⁰ Это, впрочем, достаточно проблемная формулировка, поскольку она апеллирует к очень зыбкому понятию семантической сложности. Если определить его так, что толкование более простого значения входит в толкование более сложного, то к случаю редитива vs. репетитива оно применимо с трудом (непонятно, какое из значений «проще») или же вовсе ему противоречит (можно попытаться истолковать значение возвращения через значение повторения). В этом смысле более удобной представляется формулировка 4 ниже.

¹¹ Мы благодарим анонимного рецензента статьи за замечание о необходимости введения в описание диахронической перспективы, а также за ряд ценных наблюдений на эту тему и конкретных библиографических указаний.

а двойной — дистантную (*заставить поест*). Встречаются и менее регулярные семантические оппозиции, для которых приводится следующая общая формулировка: двойной каузатив отсылает к более стандартному типу каузации, а одиночный описывает более естественные, типичные случаи каузации (и часто выражает более идиоматизированное значение) [Kulikov 1999: 54]. Некоторые из приведенных случаев рефактивных комбинаций полностью укладываются в эту формулировку (например, «одиночный редитив — двойной репетитив»), другие — не вполне (например, «одиночный репетитив — двойной — более узкая разновидность репетитива»).

Итак, соотнесем все сказанное выше с нашими данными по рефактивным показателям. Все их, как кажется, нельзя безоговорочно свести к механизму «усиления», однако частично они в него, безусловно, укладываются. В подобных терминах вполне можно описывать комбинации двух полностью синонимичных показателей, в том числе и «легкого» морфологического с «тяжелым» лексическим. Также в этом ракурсе получает естественное объяснение тот факт, что двойной рефактив, образованный из квазисинонимичных рефактивов, получает значение морфологически более свободного из двух исходных показателей.

Сложнее ситуация в паре «редитив — репетитив». С одной стороны, редитивное значение более прихотливо с точки зрения сочетаемости, более склонно к лексикализации, а для группы глаголов, с которыми оно в принципе сочетается, наиболее естественно, дефолтно. Репетитивное же значение более регулярно, семантически прозрачно и не имеет принципиальных сочетаемостных ограничений. С другой стороны, репетитивное значение возникает у рефактивных показателей на более поздних стадиях эволюции, и от старого показателя мы, казалось бы, могли бы ожидать как раз репетитивного значения, а от нового — редитивного. Это противоречие, однако, снимается, если иметь в виду, что мы имеем дело со словообразованием. Ситуация, когда диахронически исходное — более конкретное и лексически избирательное — значение словообразовательного показателя оказывается как раз самым стабильным, закрепляясь при отдельных лексемах, как раз вполне типична.

При этом часть наших примеров — это комбинации не двух морфологических показателей, а морфологического и лексического. В этом случае речь вообще может не идти о «старом» и «новом» показателях, об их конкуренции и о — хотя бы и потенциальном — вытеснении одного другим, как в цикле Есперсена. Здесь «усиление» морфологического показателя лексическим может свидетельствовать не о постепенном отмирании первого, а, наоборот, о его дальнейшем семантическом развитии и экспансии на более широкий круг лексем. Вероятный сценарий в этом случае таков: морфологический показатель употребляется в редитивном контексте → морфологический показатель употребляется одиночно в редитивном контексте и при поддержке лексического в репетитивном → морфологический показатель употребляется одиночно в редитивном и репетитивном контекстах.

Прочие случаи комбинации семантически нетождественных морфологического показателя с лексическим или двух лексических имеют под собой, кажется, несколько иной механизм. Их, наверное, удобнее всего описывать как реализующие оба значения исходных одиночных показателей одновременно в подходящем для этого контексте (тенденция 4). Если это так, то никаких специальных диахронических предпосылок для такого употребления не требуется, оно кажется относительно стабильным и само также не должно вести к дальнейшим изменениям в системе.

3. «Рекурсивное» употребление рефактивов

Сочетание двух, а возможно, и более, одинаковых или разных рефактивных показателей может порождать интерпретацию, при которой оператор повторности действительно применяется дважды (будем называть такое употребление **рекурсивным**). Двойное применение оператора повторности логически вполне представимо. Однако прагматических оснований употреблять такой «двойной» рефактив меньше, чем, например, аналогичный двойной каузатив («заставить кого-то заставить кого-то сделать что-то»), поскольку семантическое

приращение, добавляемое вторым показателем рефактива, не очень велико и не очень отчетливо. А priori даже не вполне очевидно, о каком количестве итераций в этом случае идет речь и почему *опять* [*опять сделать*] = *сделать три раза* или *четыре*?

Рассмотрим пример (33) из русского языка с рекурсивной интерпретацией (окказионального, но возможного) сочетания *пере-пере-*:

- (33) Сразу же после прочтения (S0), появилось желание пере-читать (S1) с начала до конца, а затем пере-пере-читать (S2) с конца до начала и растащить на цитаты [http://www.livelib.ru/review/31943].

Здесь глагол *переперечитать* задает ситуацию, осуществляемую в общей сложности трижды (а не четырежды, как можно было бы предположить).

Показатели рефактива удобно рассматривать в терминах пресуппозиции / ассерции (см. выше раздел 1.2). Пример (33) в этих терминах трактуется следующим образом:

S0 — прочтение романа

ассерция: ‘прочитать роман’

S1 — {появилось желание} перечитать роман (пере- [S0])

ассерция: прочитать роман

пресуппозиция: ранее роман уже был прочитан (S0)

S2 — переперечитать роман (пере- [S1])

ассерция: прочитать роман

пресуппозиция: ранее роман уже был прочитан (после того как был прочитан) (S1)

Таким образом, *переперечитать* отличается от *перечитать* только пресуппозитивным компонентом. В ассерции каждый раз оказывается только одна ситуация — самая последняя, а все более ранние — в пресуппозиции. Поэтому количество введенных в рассмотрение ситуаций при прибавлении еще одного рефактивного показателя не перемножается, а увеличивается на одну.

Пресуппозиция одиночного рефактива содержит информацию о том, что аналогичная ситуация совершалась уже как минимум единожды (но, заметим, не информацию об одной конкретной аналогичной ситуации). Пресуппозиция двойного рефактива — информацию о как минимум двух предшествующих аналогичных ситуациях. В этом единственное семантическое различие, которое оказывается, таким образом, небольшим. Специально указывать, что повторение совершается после еще одного повторения, когда можно указать просто на факт повторения (не оговаривая, сколько раз ситуация была совершена до этого), — достаточно специфическая и редкая коммуникативная цель.

Тем не менее, комбинации рефактивных показателей с рекурсивной интерпретацией встречаются — это могут быть морфологические и лексические показатели, идентичные и разные. Ниже проиллюстрированы разные типы комбинаций.

1А) Комбинация морфологических рефактивов: одинаковые аффиксы.

Последовательность одинаковых аффиксов с рекурсивной интерпретацией показана выше на примере русского *перепере-*. Заметим, что рефактивная *пере-*, как кажется, единственная из русских приставок, которая допускает дублирование. В статье [Татевосов 2009] из теоретических предпосылок выводится аналогичная потенциальная способность для *под-под-* (‘немного [немного V]’) и *до-до-* (‘закончить [заканчивать V]’), однако в реальности подобные примеры кажутся куда более маргинальными, чем для *перепере-*. Для *пере-* рекурсивное употребление облегчается его исходной семантикой, у большинства употреблений более сложной, чем однократное повторение в чистом виде¹². Это так называемое реконструктивное значение, предполагающее не только повторение, но и исправление / улучшение результата предыдущей ситуации: случай, когда ситуация требует

¹² Выше намеренно приведен пример с глаголом *читать* (33), иллюстрирующий значение простого повторения, на самом деле маргинальное для *пере-*.

«повторного повторения» в силу того, что желаемый результат так и не был достигнут даже со второго раза, кажется прагматически более естественным, чем случай простого «повторного повторения». Но и в этом случае примеры на двойное вхождение очень редки. Так, в НКРЯ на комбинацию *перепере-* находится всего один пример:

- (34) *Теперь осталась пере-пере-делка в Союзнисе, и мой гардероб полностью будет обновлен (останутся лишь удручающие рубища и шубы)* [А. Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник) (1941—1948)].

Для показателей без подобных семантических нюансов двойное вхождение с рекурсивной интерпретацией также возможно, но, как правило, это окказиональные употребления, часто осознаваемые как языковая игра. Таков, пример (35) из французского языка, где двойное употребление префикса *re-* окказионально возможно в конструкции *re-V (et) re-re-V*, но вряд ли за ее пределами:

- (35) *Lire, re-lire, re-re-lire! Les bébés aiment la répétition.*

‘Читать, перечитывать, переперечитывать! Малыши любят повторение’ [<http://activitesbebes.com>].

1Б) Комбинация морфологических рефактивов: разные аффиксы.

Рекурсивное употребление двух разных морфологических рефактивов можно проиллюстрировать примером из языка нун (атлантические, Сенегал) [Soukka 2000: 171—172]:

- (36) *hay* ‘прийти’ — *hay-is* ‘прийти обратно’ — *hay-sis* (<*is-is*) / *hay-aat-is* ‘опять прийти обратно’ — *hay-sis-is* / *hay-s-aat-is* ‘прийти обратно в третий (и более) раз’.

Как видно из примера (36), в нун возможна и комбинация из одинаковых показателей *-is*, и комбинация из двух показателей *-is* и *-aat*, каждый из которых сам по себе используется в рефактивной функции. При этом в грамматике [Soukka 2000] комбинация из двух разных аффиксов трактуется как результат «автоматической» замены одного из показателей *-is*.

2) Комбинация лексических рефактивов.

Ровно та же картина, что для морфологических показателей, наблюдается и для лексических. Не останавливаясь на них в деталях, приведем пример из языка сонгай (диалект кой-раборо сенни, нило-сахарские, Мали) [Heath 1999: 340], где с рекурсивной интерпретацией дважды используется рефактивная синтаксическая конструкция с глаголом ‘возвращаться’:

- (37)

<i>ay</i>	<i>yee</i>	<i>ka</i>	<i>yee</i>	<i>ka</i>	<i>i</i>	<i>dir-andi</i>
1SG.S	return	INF	return	INF	3PL.OBJ	travel-CAUS

‘Я заставил их идти в третий раз’ (букв. ‘Я вернулся вернуться заставить их путешествовать’).

3) Комбинация морфологического и лексического рефактивов.

Комбинация морфологического и лексического показателей с рекурсивной интерпретацией обсуждается на примере русского языка (сочетаний *опять/снова/заново пере-*) ниже, в разделе 4.2, где ставится вопрос о конкуренции между рекурсивной и избыточной интерпретациями.

4. Рекурсивная и избыточная интерпретация: промежуточные случаи и конкуренция

4.1. Граница между рекурсивной и избыточной интерпретацией

Граница между избыточной и рекурсивной интерпретацией двойного рефактива не всегда отчетлива. Насколько эти интерпретации близки, показывает, например, случай, представленный в языке уарина (изолят, Перу). В грамматике [Olawsky 2006: 174—175] упоминаются два рефактивных наречия — *kwajteĩ* и *nakwaanineeĩ* (оба представляют собой застывшие формы глагола ‘повторять’), которые могут употребляться как одиночно, так и совместно, в любом порядке:

- (38) *kwajteŋ nakwaaneet ku-a*
 again again go-3
 ‘он опять пошел (на охоту)’

Разница между одиночным и двойным показателем описывается в грамматике следующим образом: одиночный показатель употребляется, если ранее ситуация имела место единожды, а двойной — если более одного раза. Возникает вопрос, интерпретировать ли значение ‘опять (после того, как ситуация имело место несколько раз)’ как результат последовательного применения двух операторов повторности (и тогда видеть здесь рекурсивное употребление двойного рефактива) или как особую разновидность рефактивного (и тогда трактовать употребление двойного рефактива как избыточное).

В пользу последней возможности говорит тот факт, что похожее значение (‘сделать, как всегда, как обычно’, «нереферентный» рефактив, см. [Стойнова 2013: 62—68]) встречается и у одиночных показателей рефактива, ср. пример из нанайского языка (тунгусо-маньчжурские, Хабаровский край):

- (39) *čemana mii pokto-i ele-go-j-du-ja-wa pokto xoldon-do-a-ni*
 завтра 1SG дорога-REFL.SG стоять-REP-PC.NPST-DAT-1SG-OBL дорога сторона-DAT-OBL-3SG
ao-ra min-či xukču-xəri
 спать-CONV.NSIM 1SG-DIR напасть-IMP
 ‘Завтра, когда я (как обычно) буду стоять на тропе, ляг рядом с тропой и напади на меня!’
 [Аврорин 1986: текст 38.165].

Отметим еще раз, что отсутствие четкой границы между рекурсивным и избыточным прочтением вытекает из семантики рефактива и не является свойством любого двойного показателя. Можно, однако, предположить, что эта семантическая особенность создает определенные предпосылки для того, чтобы стратегия двойного маркирования была типологически востребована для данного значения (очень похожую ситуацию можно наблюдать на материале диминутивов).

4.2. Конкуренция между рекурсивной и избыточной интерпретацией

В некоторых случаях для одной и той же комбинации рефактивных показателей оказывается доступна как рекурсивная, так и избыточная интерпретация. Возникает вопрос, чем это обусловлено, и шире: от чего в принципе может зависеть выбор интерпретации двойного рефактива (в том числе и если он однозначен).

В монографии [Стойнова 2013: 223—226] некоторые самые общие предположения на этот счет делаются на материале сочетаний русского префикса *пере-* с одним из лексических рефактивов (*еще раз, опять, снова, заново* и др.). Здесь перечислим их кратко.

1. Степень семантической близости рефактивных показателей. Естественно предположить, что выбор избыточной интерпретации тем более вероятен, чем ближе друг к другу исходные значения рефактивного аффикса и рефактивного наречия. Только такую интерпретацию допускают предложения с наречием *заново*, которое, как и приставка *пере-*, содержит семантический компонент изменения результата исходной ситуации (об этом сочетании подробно выше). Нейтральные же репетитивные *опять* и *снова* допускают обе интерпретации или только рекурсивную, ср.:

- (40) — *Перепиши заново эту строчку, Мышка! И старайся быть внимательной!* [В. Осеева. Динка (1959), НКРЯ] = ‘повторно напиши’ / ‘повторно [повторно напиши]’;
 (41) *Минфин опять переписывает правила налогового контроля за ценами* [Интернет] = ‘повторно [повторно пишет]’.

2. Степень идиоматизации аффиксального показателя рефактива при соответствующем глаголе. Форсировать рекурсивную интерпретацию может значительная степень

идиоматизации одного из показателей (морфологического) при данном глаголе. Сравним глаголы *переписать* (*переписывать*) и *перечитать* (*перечитывать*). Менее композиционный *переписать* дает в контексте наречий *снова* и *опять* рекурсивную интерпретацию ‘повторно [переписать]’. Более прозрачный *перечитать* свободно допускает обе интерпретации, примеры на оба глагола см. выше.

- (42) *Отпустив его, Аратов перечел письмо, бросил его на пол... Но погода немного поднял и опять перечел...* [И. С. Тургенев. Клара Милич (1882), НКРЯ] — ‘повторно [повторно прочитал]’.
- (43) *Прочитала всё и вернулась ещё раз сюда, чтобы опять перечитать* [Интернет] — ‘повторно прочитал’.

3. Линейная / синтаксическая / коммуникативная позиция рефактивных показателей. Выбор той или иной из интерпретаций может зависеть от линейной позиции рефактивных показателей и, соответственно, стоящей за этим синтаксической и/или коммуникативной позиции. Так, в русском языке гораздо легче допускается избыточная интерпретация в случае, когда рефактивное наречие занимает не характерную позицию перед глаголом, а финальную и является носителем фразового акцента, ср.:

- (44) *Но я решила написать тебе, во что бы то ни стало и без всяких черновиков — слишком сильно то, что я испытала сегодня ночью! Переписывать снова я не смогу — меня не хватит* [С. Осинов. Страсти по Фоме (1998), НКРЯ].

5. Употребление рефактива с семантическим сдвигом («иконичное»)

Комбинация рефактивов может производить ожидаемый иконичный семантический сдвиг (см. выше раздел 1.1), давая значение **многократного повторения**, возможно с дополнительным эмфатическим компонентом. Такой сдвиг можно проиллюстрировать сочетаниями *опять и опять, снова и снова, вновь и вновь* из русского языка или аналогичным *again and again* из английского¹³:

- (45) *Мне снова и снова (≈ постоянно) вспоминается папа, больничная койка, последний разговор* [Сати Спивакова. Не всё (2002), НКРЯ].

Интересный случай, связанный с многократным значением двойного рефактива, представлен в языке гуниянди (бунаба, Австралия) [McGregor 1990: 464]. В гуниянди есть рефактивная клитика *=nyali* и рефактивное наречие *ngambiddi*. Клитика, присоединяясь не к глаголу, а к самому этому наречию, производит застывшее выражение с хабитуальным значением *ngambiddi=nyali* ‘каждый день’.

Близкое к итеративному **интенсивное** значение двойного рефактива можно проиллюстрировать идиоматизированным употреблением из языка киваи (Папуа Новая Гвинея, трансновогвинейские) [Ray 1931]: рефактивный показатель *mina* в редулицированном варианте выражает в сочетании с глаголом ‘говорить’ — *minamina arogo* — значение ‘настаивать’.

Важно отметить, что в приведенных выше примерах двойной рефактив выражает значение многократности (и/или интенсивности) не в дополнение к исходному значению одиночного показателя (как мы видели в примере на двойной пассив в разделе 1.1 или как это может происходить с двойным каузативом по свидетельству [Kulikov 1993]), а сам по себе. И не вполне очевидно, откуда это значение берется — из иконизма редуликации (как в случае с пассивом и каузативом) или из рефактивного значения. Можно считать, что такие употребления на самом деле реализуют своеобразный идиоматизированный вариант

¹³ Строго говоря, в обоих случаях речь идет о сочинении лексических показателей, а не о простом повторе.

рекурсивного значения двойного рефактива: ‘еще раз’+‘еще раз’= ‘много раз’. Интересно, кстати, что нами не обнаружено еще одного из логически возможных «иконических» значений двойного показателя — дистрибутивного (зафиксированного, например, в тех же каузативах [Kulikov 1993]). Это аргумент в пользу того, что в случае рефактива мы имеем дело не с простым иконичным употреблением, а с многократным применением оператора однократного повторения (который не даст дистрибутивного значения с той же легкостью, что и итеративное).

6. Заключение

Итак, в работе — на типологическом материале и более детально по отдельным темам на примере русского языка — были рассмотрены двойные рефактивные показатели (показатели однократного повторения) в более общей перспективе дублирования деривационных показателей. Для двойных рефактивов оказываются возможны все три логически возможные интерпретации:

- рекурсивная (когда значение применяется дважды);
- избыточная (multiple exponence в широком смысле: когда значение двойного показателя тождественно или близко к значению одиночного);
- интерпретация с (иконичным) семантическим сдвигом.

Особенностью рефактива с этой точки зрения является подвижность границ между этими тремя интерпретациями: между рекурсивной и избыточной (‘повторить повторно’ или ‘повторить неоднократно происходившее’?); между иконичной и рекурсивной (‘совершить многократно’ — иконизм редупликации или повторное применение значения ‘опять’?).

Что же касается общих свойств двойных показателей, которые можно наблюдать на примере рефактива, следует повторить несколько важных замечаний. Избыточность применительно к двойным деривационным показателям — это не избыточность в строгом смысле: значение двойного показателя сложным образом складывается из (обычно близких, но не идентичных) значений исходных одиночных.

В этом процессе наблюдаются следующие закономерности. На материале рефактивов можно выделить два основных случая.

- 1) Интерпретация одного из одиночных показателей в составе двойного «побеждает». И тогда это показатель с, как правило, более абстрактным значением и значением, возникающим на более поздних стадиях грамматикализации (ср. редитив + репетитив).
- 2) Результирующая интерпретация двойного показателя одновременно отражает семантические особенности обоих одиночных (ср. редитив + реститутив, репетитив + осложненный репетитив, ?репетитив + аддитив).
- 3) На материале рефактивов не была нами в явном виде обнаружена, но в принципе кажется возможной и ситуация, когда двойной показатель дает значение соответствующей семантической зоны, заметно отличное от значений обоих одиночных.

С точки зрения позиции одиночных показателей в составе двойного внешним (занимающим позицию дальше от корня/от глагола/с более автономным морфологическим статусом) в случае 1 оказывается одиночный показатель, чье значение копирует двойной. В случае 2 это может быть тот из одиночных показателей, который семантически более сложен (в частности, его значение может полностью включать в себя значение второго из одиночных показателей).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	IMP — императив	PERI — участник с периферийной ролью
A — показатель субстантивации	IN — локализация 'внутри'	PF — перфект
C — согласный сегмент	IND — индикатив	PFV — перфектив
CAUS — каузатив	INF — инфинитив	PL — множественное число
CONV — дееспричастие	INS — инструменталис	RED — редитив
COP — бытийная связь	INTJ — междометие	REFL — рефлексив
DAT — датив	IPF — имперфектив	REP — рефактив
DEC — декларатив	NOM — номинатив	RPT — репортатив
DEM — указательное местоимение	NPST — непрочешшее время	SG — единственное число
DIR — директив	NSIM — неодновременность	SUPER — локализация 'на поверхности'
ELAT — элатив	OBJ — объект	S — ситуация
EXCL — эксклюзив	OBL — косвенный падеж	V — глагол
F — женский род	PASS — пассив	VOL — волитив
	PC — причастие	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Авrorин 1986 — Авrorин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. [Avrorin V. A. *Materialy po nanaiskomu yazyku i fol'kloru* [Materials on the Nanai language and folklore]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Киселева, Пайар 1998 — Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Мета-текст, 1998. [Kiseleva K. L., Paillard D. (eds). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse words in Russian: An essay on contextual semantic description]. Moscow: Meta-tekst, 1998.]
- Летучий 2009 — Летучий А. Б. Двойной реципрок в русском языке: значение и употребление // Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 335—361. [Letuchij A. B. Double reciprocals in Russian: Meaning and usage. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L., Plungian V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2009. Pp. 335—361.]
- Лютикова 2002 — Лютикова Е. А. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002. [Lyutikova E. A. *Kognitivnaya tipologiya: refleksivy i intensifikatory* [Cognitive typology: Reflexives and intensifiers]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2002.]
- Недялков 1987 — Недялков В. П. Начинательность и средства ее выражения в языках различных типов // Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 180—195. [Nedyalkov V. P. Inchoative meaning and the means of its expression in languages of different types. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Bondarko A V. (ed.). Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 180—195.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Рахилина 2014 — Рахилина Е. В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Даниэль М. А., Лютикова Е. А., Плунгян В. А., Татевосов С. Г., Фёдорова О. В. (ред.) Язык. Константы. Переменные. Сборник памяти А. Е. Кибрика. СПб.: Алетея, 2014. С. 87—95. [Rakhilina E. V. Grammar of mistakes: In search of constants. *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Sbornik pamyati A. E. Kibrika*. Daniel' M. A., Lyutikova E. A., Plungian V. A., Tatevosov S. G., Fedorova O. V. (eds.). St. Petersburg: Aleteiya, 2014. Pp. 87—95.]
- Рожанский 2011 — Рожанский Ф. И. Редупликация. Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. [Rozhanskii F. I. *Reduplikatsiya. Opyt tipologicheskogo issledovaniya* [Reduplication. A typological study]. Moscow: Znak, 2011.]
- Русакова 2013 — Русакова М. В. Русские диминутивы: морфологический, синтаксический, лексический анализ // Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 354—370. [Rusakova M. V. Russian diminutives: Morphological,

- syntactic, lexical analysis. Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoj grammatiki russkogo yazyka*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013. Pp. 354—370.]
- Стойнова 2013 — Стойнова Н. М. Показатели рефактива. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. [Stoynova N. M. *Pokazateli refaktiva* ['Again'-markers]. Moscow: AST-Press Kniga, 2013.]
- Татевосов 2009 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 92—156. [Tatevosov S. G. Multiple prefixation and the anatomy of the Russian verb. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L., Plungian V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2009. Pp. 92—156.]
- Anderson 2005 — Anderson S. R. Morphological universals and diachrony. *Morphology and Linguistic Typology. On-line Proceedings of the Fourth Mediterranean Morphology Meeting, Catania, 21—23 September 2003*. Booij G., Guevara E., Ralli A., Sgroi S., Scalise S. et al. (eds.). Bologna: Università degli Studi di Bologna, 2005. Pp. 45—58.
- van der Auwera 2009 — van der Auwera J. The Jespersen cycles. *Cyclical change*. Van Gelderen E. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 35—71.
- Beck 2005 — Beck S. There and back again: A semantic analysis. *Journal of Semantics*. 2005. Vol. 22. Issue 1. Pp. 3—51.
- Caballero, Harris 2012 — Caballero G., Harris A. A working typology of multiple exponence. *Current Issues in Morphological Theory*. Kiefer F., Ladányi M., Siptár P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 163—188.
- Carlson 1972 — Carlson B. F. *A grammar in Spokane: A Salish language of eastern Washington*. Ann Arbor: UMI, 1972.
- Daeleman 2003 — Daeleman J. *Notes grammaticales et lexique du Kiholu*. München: Lincom, 2003.
- Dammann 1957 — Dammann E. *Studien zum Kwangali: Grammatik, Texte, Glossar*. Hamburg: De Gruyter, 1957.
- Dammann 1959 — Dammann E. Inversiva und Repetitiva in Bantusprachen. *Afrika und Übersee*. 1959. Vol. 43. Ss. 116—127.
- Dixon, Vogel 2004 — Dixon R. M. W., Vogel A. R. *The Jarawara language of Southern Amazonia*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Duff-Tripp 1997 — Duff-Tripp M. *Gramática del idioma yanesha' (amuesha)*. Lima: Inst. Lingüístico de Verano, 1997.
- Elders 2008 — Elders S. *Grammaire kulango (parler de Bouna, Côte d'Ivoire)*. Köln: Köppe, 2008.
- Epps 2008 — Epps P. *Grammar of Hup*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Fabricius-Hansen 2001 — Fabricius-Hansen C. Wi(e)der and again(st). *AudiaturVox Sapientiae. A Festschrift for Arnim von Stechow*. Fery C., Sternefeld W. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. Pp. 101—130.
- Flier 1984 — Flier M. S. Syntactic constraints on the Russian prefix *pere-*. *Issues in Russian Morphosyntax*. (UCLA Slavic Studies. Vol. 10.) Flier M. S., Brecht R. D. (eds.). Columbus, Ohio: Slavica, 1984.
- Guillaume 2008 — Guillaume A. *A grammar of Cavineña*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Harris 2015 — Harris A. *Multiple exponence in historical perspective: Typology and explanation*. Talk presented at the 22nd International conference on historical linguistics. Naples, 27—31 July 2015.
- Heath 1999 — Heath J. *A grammar of Koyraboro (Koroboro) Senni: The Songhay of Gao, Mali*. Köln: Köppe, 1999.
- Jäger, Blutner 2000 — Jäger G., Blutner R. Against lexical decomposition in syntax. *Israeli Association for theoretical linguistics proceedings*. Vol. 15. Wyner A. Z. (ed.) Haifa: Haifa University, 2000. Pp. 113—137.
- Jespersen 1917 — Jespersen O. *Negation in English and other languages*. (Konelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser I, 5.) Copenhagen: Høst, 1917.
- Johnston 1980 — Johnston R. L. *Nakanai of New Britain: the grammar of an Oceanic language*. Canberra: Dept. of Linguistics, Research School of Pacific Studies, Australian Natl. Univ., 1980.
- Kabuta 1998 — Kabuta N. S. *Het Cilubà werkwoord: Morphologie*. Gent: RECALL, 1998.
- Kamp, Rossdeutscher 1994 — Kamp H., Rossdeutscher A. DRS-construction and lexically driven inference. *Theoretical linguistics*. 1994. Vol. 20. No. 2/3. Pp. 165—236.
- Kemmer 1993 — Kemmer S. *The middle voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Kulikov 1993 — Kulikov L. The «second causative»: A typological sketch. *Causatives and Transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 121—153.
- Kulikov 1999 — Kulikov L. Remarks on double causatives in Tuvan and other Turkic languages. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1999. Vol. 88. Pp. 49—58.

- Kulikov 2009 — Kulikov L. Evolution of case systems. *The Oxford Handbook of Case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 439—457.
- Kung 2007 — Kung S. S. *A descriptive grammar of Huehuetla Tepehua*. Ann Arbor: UMI, 2007.
- Larrivée, Ingham 2011 — Larrivée P., Ingham R. (eds.). *The evolution of negation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011.
- Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006 — Lyutikova E., Bonch-Osmolovskaya A. A very active passive. *Case, Valency and Transitivity*. Kulikov L., Malchukov A., de Swart P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006.
- Maisak, Merdanova 2011 — Maisak T., Merdanova S. *Repetitive prefix in Agul and its areal/genetic background*. Talk delivered at conference on Caucasian languages, 2011. Mai 13—15, Leipzig, 2011.
- Matthews 1974 — Matthews P. H. *Morphology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974.
- McGregor 1990 — McGregor W. B. *A functional grammar of Gooniyandi*. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Nikolaeva et al. 2003 — Nikolaeva I., Perekhvalskaya E., Tolskaya M. *Udeghe texts*. Osaka: ELPR, 2003.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — Nikolaeva I., Tolskaya M. *A grammar of Udihe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Olawsky 2006 — Olawsky K. J. *A grammar of Urarina*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Ray 1931 — Ray S. H. *A grammar of the Kiwai language, Fly Delta, Papua: With a Kiwai vocabulary*. Port Moresby: Baker, 1931.
- Rosemeyer 2014 — Rosemeyer M. *The development of iterative verbal periphrases in Romance*. Talk delivered at 47th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea. Poznań, 2014.
- Schadeberg 1982 — Schadeberg Th. C. Les suffixes verbaux séparatifs en Bantou. *Sprache und Geschichte in Afrika*. 1982. Vol. 4. Ss. 55—66.
- Smeets 2008 — Smeets I. *A grammar of Mapuche*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- von Stechow 1996 — von Stechow A. The different readings of *wieder* 'again': A structural account. *Journal of Semantics*. 1996. Vol. 13. Pp. 87—138.
- Stolz et al. 2011 — Stolz T., Stroh C., Urdze A. *Total reduplication: The areal linguistics of a potential universal*. (Studia tipologica, 8.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2011.
- Soukka 2000 — Soukka M. *A descriptive grammar of Noon: A Cangin language of Senegal*. München: Lincom, 2000.
- Tovena, Donazzan 2008 — Tovena L. M., Donazzan M. On ways of repeating. *Recherches linguistiques de Venciennes*. 2008. Vol. 37. Pp. 85—112.
- van der Voort 2004 — van der Voort H. *A Grammar of Kwaza*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Wälchli 2006 — Wälchli B. Typology of light and heavy 'again', or The eternal return of the same. *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. No. 1. Pp. 69—113.
- Xu, Aronoff 2011 — Xu Zh., Aronoff M. A Realization Optimality Theoretic approach to blocking and extended morphological exponence. *Journal of Linguistics*. 2011. Vol. 47. Pp. 673—707.
- Young 2000 — Young R. W. *The Navajo verb system: An overview*. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press, 2000.

Статья поступила в редакцию 19.06.2015.